

*А.Д. Степанов, К.А. Пестерева, J. Chlachula, Э.К. Жирков,
Л.Л. Алексеева, А.К. Шараборин, Д.А. Пестерев*

DOI: 10.25693/SVGV.2021.36.3.002

УДК 902(571.56)

Погребение Чюйя раннего железного века из Центральной Якутии

Научная новизна. В статье описаны материалы раскопок погребения Чюйя, впервые ставшие объектом и предметом научного изучения. Погребение представлено костяком неполной сохранности, полуразрушенное, без сопроводительного инвентаря. По характеру положения костяка оно не находит прямых сопоставлений, в том числе в силу его плохой сохранности. Хронологические границы работы охватывают эпоху раннего железного века Якутии.

Цель и задачи. Целью является введение в научный оборот материалов погребения Чюйя, открытого в 1992 г. в Мегино-Кангаласском улусе РС(Я) и исследованного сотрудниками Музея археологии и этнографии СВФУ в 2010 г. Памятник территориально относится к Лено-Амгинскому междуречью, характерной особенностью которого является широкое распространение открытых пространств – аласов и озер, к которым приурочены археологические объекты. Научная проблема исследования заключается в редкости и слабой изученности подобных типов археологических памятников, таких как погребения, относящиеся к раннему этапу железного века Якутии – VIII–V вв. до н.э.

Методы исследования. Работа основана на археологических методах исследования: полевых раскопках, сравнительно-типологическом анализе выявленного материала, радиоуглеродном датировании, историко-культурной интерпретации.

Результаты. Исследование позволило данному памятнику занять свое место в археологической периодизации древних культур и расширить небольшой круг погребений раннего железного века Якутии, что открывает дальнейшие перспективы в изучении этого сложного периода.

Ключевые слова: Чюйя, Дюпся, погребение, Мегино-Кангаласский улус, Лено-Амгинское междуречье, ранний железный век, радиоуглеродное датирование

© Степанов А.Д., Пестерева К.А., Chlachula J., Жирков Э.К., Алексеева Л.Л., Шараборин А.К., Пестерев Д.А. 2021

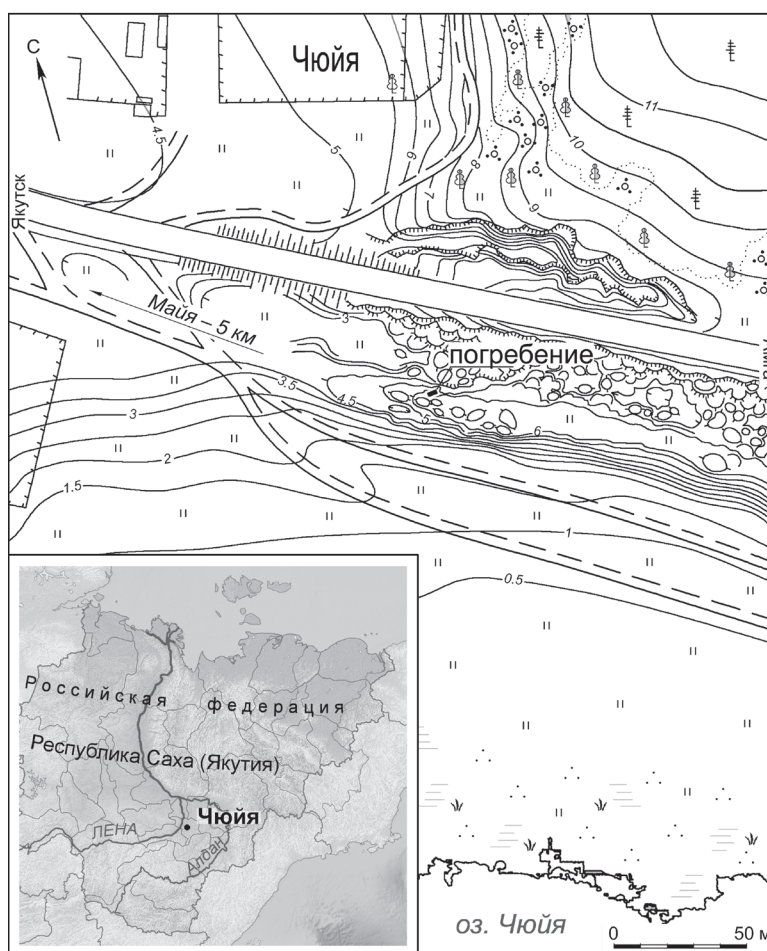

Рис. 1. Расположение и план местности погребения Чюйя, Мегино-Кангаласский улус РС(Я)

И. Ведение. Погребение Чюйя было открыто местными жителями с. Чюйя в 1992 г., когда на обочине региональной трассы 98К-001 «Якутск – Амга» его часть обнажилась в эрозионном термокарстовом овраге, образовавшемся в результате строительства автодороги в 1970-х гг. (рис. 1).

Место погребения было исследовано этноархеологами Н.П. Прокопьевым и Э.К. Жирковым, которые установили, что погребение не относится к якутской культуре XIV–XVIII вв. и значительно более древнее. Здесь же, «в 10 м к западу от погребения, на глубине 27 см в небольшой округлой яме найдена нижняя челюсть человека, сопровождаемая игольником

ымыяхтахского типа из тонкостенной полой кости с рядами декоративных горизонтальных резных линий» [Прокопьев, 1994]. находка челюсти была сопоставлена с полуразрушенным костяком из погребения. Само погребение предварительно было датировано эпохой неолита в соответствии с атрибуцией игольника. В 2010 г. место погребения было повторно обследовано археологическим отрядом Музея археологии и этнографии СВФУ – зафиксировано место раскопа, проведена топосъемка местности, установлены координаты погребения. В 2014 г. по образцу, отобранному из костяка погребения, была получена радиоуглеродная дата, показавшая возраст раннего железного века.

¹Алас (якут. «алаас») – геологическое образование, пологосклонная плоскодонная ложбина, озерно-луговая котловина термокарстового происхождения с лугово-степной растительностью [Десяткин, 1984; Босиков, 1991].

Рис. 2. Вид на разрушенный мыс террасы с погребением. Съемка с западной стороны

Погребение было заложено на мысовидном выступе 6-метровой приозерной террасы, который сегодня пересекается автодорогой (рис. 1). Мыс выступает между двух обширных аласных котловин, на одной из которых, южной, располагается озеро Чюйя, давшее название селу, которое обустроилось на северном аласе. В 300 м к западу от этого мыса из озера Чюйя вытекает речка Майя, которая протекает дальше к западу, минуя с. Майя, и впадает в большое озеро Майя.

Майя-Чюйинская озерная система является частью Лено-Амгинского междуречья, где аласно-озерные и эрозионно-аккумулятивные формы рельефа являются типичными ландшафтами. Межаласное пространство формирует положительные формы рельефа в виде относительно ровных плакоров, на которых произрастает лесная растительность и которые формируют приозерно-террасовые комплексы. Майя-Чюйинская долина является одним из крупных аласно-озерных термокарстовых образований, располагающихся на так называемой Тюнгилюнской террасе р. Лены с абсолютной отметкой 120–200 м, возвышающейся над уровнем Лены на 66–98 м [Соловьев, 1959].

Поверхность Тюнгилюнской террасы, сложенная в основном из многолетнемерзлого аллювия, весьма уязвима к термокарстовому разрушению по сравнению с поверхностью других террас Лено-Амгинской равнины, как, напри-

мер, Абалахской (абс. отм. 200–300 м) [Иванов, 1984: 91]. Так, проложенная через древний мыс дорога запустила интенсивный термокарстовый процесс, приведший к дальнейшей деградации поверхности террасы и образованию глубоких оврагов вдоль дороги на склоне террасы (рис. 2).

II. Материалы и методы исследования. Материалы, полученные в ходе раскопочных работ, представлены в основном человеческим костяком. В 1992 г. Н. Прокопьев установил, что череп и часть верхнего плечевого уровня были утрачены, видимо, в результате термоэрозии местности, произошедшей после бульдозерных разработок при строительстве дорожного полотна. Часть костяка была обнажена на раздернованной поверхности склона оврага. Бедренную кость нашли местные дети. Обломки нижней челюсти вместе с костяным игольником ымыяхтахского типа были найдены в яме, в 10 м к западу от местонахождения описываемого погребения [Прокопьев, 1993]. По форме довольно грацильной нижней челюсти предполагалось, что разрушенное погребение было женским.

Костяк первоначально, вероятно, располагался на глубине не менее 35 см от дневной поверхности. Современная глубина залегания костяка на разрушенном склоне, зафиксированная при повторных раскопках в 2010 г., составила порядка 10–20 см от поверхности (рис. 3, 4).

Рис. 3. Общий вид костяка погребения после вскрытия (раскопки 2010 г.)

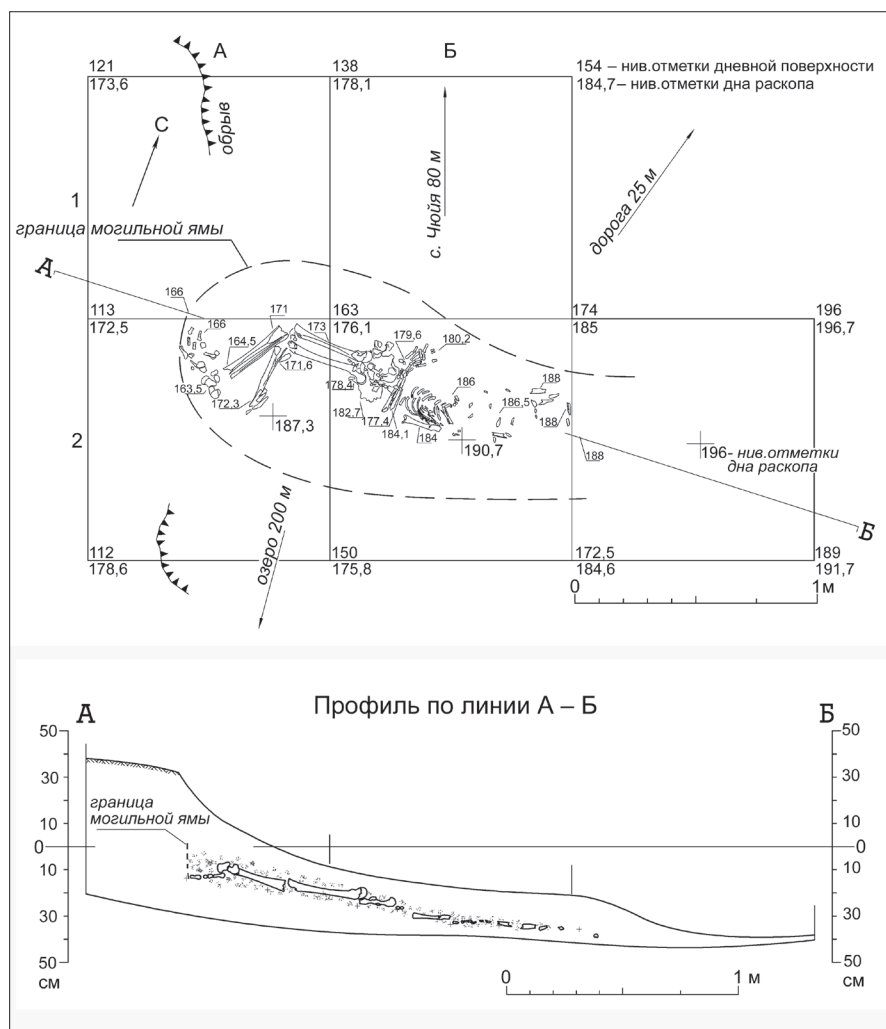

Рис. 4. План и профиль погребения Чюйя (раскопки 2010 г.)

Раскопки погребения в 2010 г. велись соответственно общепринятой методике раскопок. Первоначально по старым фотографиям местности было установлено место погребения, размечен небольшой раскоп 3×2 м. Проведена предварительная топосъемка местности и нивелировочная съемка дневной поверхности раскопа. Раскопки велись с горизонтальной тонкой зачисткой поверхности. Уровень залегания находок фиксировался нивелирными отметками от закрепленного временного репера. В ходе раскопок производилась фотосъемка процесса и отдельных стадий раскопочных работ. Фото- и графическая фиксация стратиграфии раскопа.

III. Результаты. Еще до раскопок было установлено, что костяк был сильно поврежден как техногенным вмешательством, так и эрозионными термокарстовыми и криогенными процессами. Раскопочные работы выявили, что контуры могильной ямы начинают проследиваться на глубине обнажения костей. Стратиграфия отложений представлена желтоватой светло-коричневой супесью. Могильное пятно неправильной овальной формы из переотложенного грунта и с мелкими частицами угольков, что, возможно, свидетельствует о погребении в зимний период.

Погребение было ориентировано головой на восток, параллельно озеру и ногами к стрелке мыса. Костяк находился в положении с согнутыми в коленях ногами, точнее с несколько откинутыми назад голеними. Сохранилась левая рука, согнутая в локте и лежащая сверху попе-

рек туловища. Кости таза сильно повреждены и фрагментированы. Само туловище, видимо, находилось на спине, или со временем завалилось на спину из положения на правом боку – установить трудно: верхняя часть скелета практически не сохранилась, отсутствуют многие ребра, правая рука, череп. По размерам седалищной вырезки тазовых костей (*Incisura ischiadica major*) предварительно можно допустить, что костяк женский. Отсутствие каких-либо сопроводительных вещей, возможно, связано с дифференциацией по половому признаку.

Первоначально, в 1992 г., возраст погребения был определен как неолитический, по находкам игольника возле обнаруженной в стороне челюсти. Предполагалось, что челюсть и костяк являются частями одного погребения. Позднее, после раскопок, проведенных в 2010 г., на основе аналогий по положению костяка на боку, было высказано предположение, что погребение может иметь отношение к раннему железному веку, что впоследствии получило подтверждение радиоуглеродным датированием.

В 2014 г. в Лаборатории радиоуглеродного датирования (PRL) г. Познань (Польша) по фрагментированной кости из состава костяка была получена радиоуглеродная АМС-дата¹ (*Accelerator mass spectrometry*), которая датирует погребение серединой VIII – концом V в. до н.э. и относит памятник к самому началу раннего железного века Якутии, к его начальному этапу или периоду (табл. 1).

Таблица 1

Радиоуглеродная датировка

¹⁴ C date, BP	Index	Material	δ ¹³ C, ‰	Calendar date, BC (± 2 σ)
2445±	Poz-59545	bone	1.6‰N 5.2‰C	753–409 ¹

Позднее, в 2016 г., в лаборатории радиоуглеродного датирования Beta Analytic, при непосредственном участии Лаборатории Р. Валленберга (Стокгольмский университет) было проведено радиоуглеродное датирование зуба нижней челюсти, обнаруженной в 1992 г. Полученная дата показала возраст 3540±30 л.н. (Beta-432254) – Cal BC 1957–1750 (2сигма), что соответствует середине периода существования

ымыяхтахской культуры позднего неолита Якутии [Мочанов, Федосеева, 1975; 1976; Алексеев, Дьяконов, 2009]. Таким образом, было установлено различие в хронологическом возрасте обнаруженных объектов – нижняя челюсть относится к позднему неолиту, а костяк из погребения – к раннему железному веку. Это открывает перспективы дальнейшего археологического изучения данной местности.

¹Работы произведены и финансированы на средства Гранта Президента Республики Саха (Якутия) молодым ученым, специалистам и студентам на 2013 год.

Практически с такой же датой, как у Чюйинского погребения, ранее было известно Дюпсинское мужское погребение, исследованное в Усть-Алданском улусе в 2006 г. и датированное в 2012 г. в Лаборатории АМС Университета Аризоны (США) – 2485 ± 50 л.н. (AA-98295). Календарный возраст установлен (для 2сигма) в пределах 776–418 гг. до н.э., что относит погребение ко второй четверти VIII – концу V в. до н.э. Костяк из Дюпси так же, как и у чюйинского характеризуется положением на правом боку, ноги подогнуты в коленях к груди, левая рука, согнутая в локте, вытянута поперек туловища [Степанов, 2009; 2010; Степанов, Кузьмин, Джалл, 2014]. Аналогии по труположению и совпадения радиоуглеродных дат Чюйинского и Дюпсинского погребений, безусловно, ставят их в один хронологический ряд и период.

Погребение из Чюйи является важным дополнением к немногочисленным погребальным памятникам раннего железного века Якутии. Можно сделать определенные выводы, что погребения, лежащие на боку с подогнутыми или согнутыми ногами и руками, вероятно, характеризуют культуру начального этапа VIII–V вв. до н.э. – раннего железного века Якутии, который в этих хронологических границах было предложено назвать дюпсинским этапом или периодом [Dyakov, Pestereva, Stepanov, Mason, 2019: 372].

IV. Обсуждение

Интерпретация погребального обряда

В рамках исследования Чюйинского погребения была сделана попытка интерпретации погребального обряда. Погребение Чюйя ориентировано, согласно замерам магнитного компаса, головой на восток, что объединяет его в рамках восточного сектора горизонта с Дюпсинским погребением, ориентированным на юго-восток. Традиции восточной ориентации связываются с широко распространенным культом солнца и верованиями, основанными на идее возрождения после смерти [Rose, 1971]. Так, например, кеты с восточной стороны связывали жизненное начало, возрождение жизни [Алексеев, 1967: 202–203]. Солнце в представлениях селькупов обладало способностью возродить, могло оживить умершего [Косарев, 1981: 262].

Различные отклонения или соответствия восточному направлению, как предполагают,

могли зависеть от времен года [Генинг, Генинг, 1985]. Согласно вычислениям В.В. Генинга и В.Ф. Генинга, восход солнца на востоке в календарное и астрономическое время происходит поздней осенью 23 сентября и в конце зимы 21 марта [Генинг, Генинг, 1985, рис. 1]. Если учитывать отклонения магнитного севера, которые составляли $15^{\circ}32'$ западной долготы у озера Чюйя на июнь 1992 г. и соответствовали ориентирам погребения, то погребение могло производиться либо в весенний период между 21 марта и концом апреля, когда земля еще мерзлая, либо примерно от середины августа до 23 сентября. Учитывая вкрапления угольков в засыпке погребальной ямы, можно предположить, что погребение совершалось в конце зимы – начале весны.

Несколько другая идея может быть связана с положением погребения соответственно местности относительно водоемов. Здесь погребение Чюйя ориентировано вдоль озера. Привязка в ориентировании вдоль водоемов, вдоль рек, озер, ногами вверх или вниз по течению, была характерна еще в эпоху неолита [Федосеева, 1992: 103], что, как представляется, могло быть связано с идеей реки как дороги смерти, дороги в Нижний мир [Анисимов, 1958: 58–61; Тиваненко, 1989: 78–81]. Мы упоминали, что из озера Чюйя вытекает речка Майя в направлении на запад. В этом плане погребение ориентировано ногами вниз по течению речки, как бы в направлении заката – Нижнего мира. Но ассоциация мелкой межозерной речки с дорогой в Нижний мир представляется с трудом. По нашему мнению, идея реки как мифической дороги смерти может быть связана с широтными представлениями о нахождении Нижнего мира на севере, как это представлено в верованиях эвенков [Анисимов, 1958: 58–61]. В этом случае связь Чюйинского погребения с направлением речки Майя выглядит весьма слабой. В целом до накопления новых данных идея параллельного расположения погребения вдоль бровки террасы, вдоль озера может рассматриваться вне связи со сторонами света.

Отсутствие сопроводительных предметов в погребении, как уже упоминалось, может быть связано с гендерной дифференциацией как по половому, так и социальному признаку – возможно, в изучаемый период женщины в обще-

стве не имели каких-либо социальных прав, либо погребенная женщина не занимала достаточно статусного положения в ранговой иерархии того общества.

V. Заключение. Чюйинское погребение, датированное VIII–V вв. до н.э., несмотря на полуразрушенное состояние, является одним из значимых открытий, пополнивших немногочисленный список погребальных памятников раннего железного века Якутии, к которому относятся, кроме Дюпсинского (VIII–V вв. до н.э.), Покровское I и Покровское II (IV–III вв. до н.э.), Бугачанское, Куллатинское и, возможно, Иччиляхское [Окладников, 1946; 1950; Степанов, Жирков, 2006]. Перечисленные погребения объединяются общим характером типологии сопроводительного инвентаря [Степанов, Кузьмин, Джалл, 2014].

На сопредельных с Якутией территориях наиболее близкие с Чюйинским и Дюпсинским погребениями аналогии общего характера отмечаются на Витиме, которые тоже датируются ранним железным веком [Ветров, Инешин, 2002]. Аналогии носят пока формальный характер по труположению с подогнутыми ногами, так как прямая связь с указанными погребениями не прослеживается, в том числе из-за отсутствия сопроводительного материала в витимских погребениях и различиях в оформлении погребальных ям и надмогильных конструкций, которые отсутствуют в Чюйе и Дюпсе.

Костные останки Чюйинского погребения продолжают изучаться, и следует надеяться, что они послужат еще одним вкладом в решение проблем происхождения культур раннего железного века Якутии.

Список сокращений:

АН СССР – Академия наук СССР
ДВНЦ АН СССР – Дальневосточный научный центр АН СССР
ИАЭТ СО РАН – Институт археологии и этнографии СО РАН
ИМЗ СО РАН – Институт мерзлотоведения СО РАН
СО РАН – Сибирское отделение Российской академии наук
ЯФ СО АН СССР – Якутский филиал Сибирского отделения Академии наук СССР

Список литературы:

- Алексеев А.Н., Дьяконов В.М. Радиоуглеродная хронология культур неолита и бронзового века Якутии // Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск: ИАЭТ, 2009. № 3(39). С. 26–40.
- Алексеев Е.А. Кеты. Историко-этнографические очерки. Л.: Наука, 1967. 262 с.
- Анисимов А.Ф. Религия эвенков в историко-генетическом изучении и проблемы происхождения первобытных верований. М.-Л.: АН СССР, 1958. 235 с.
- Босиков Н.П. Эволюция аласов Центральной Якутии. Якутск: ИМЗ СО РАН, 1991. 128 с.
- Ветров В.М., Инешин Е.М. Погребения раннего железного века бассейна реки Витим (датировка и культурная принадлежность) // Центральная Азия и Прибайкалье в древности. Улан-Удэ–Чита: Бурятский гос. ун-т, 2002. С. 92–103.
- Генинг В.В., Генинг В.Ф. Метод определения древних традиций ориентировок, погребенных по сторонам света // Археология и методы исторических реконструкций. Киев: Наукова думка, 1985. С. 136–152.
- Десяткин Р.В. Почвы аласов Лено-Амгинского междуречья. Якутск: ЯФ СО АН СССР, 1984. 168 с.
- Иванов М.С. Криогенное строение четвертичных отложений Лено-Алданской впадины. Новосибирск: Наука, 1984. 128 с.
- Косарев М.Ф. Бронзовый век Западной Сибири. Новосибирск: Наука, 1981. 278 с.
- Мочанов Ю.А., Федосеева С.А. Абсолютная хронология голоценовых культур Северо-Восточной Азии (по материалам многослойной стоянки Сумнагин I) // Якутия и ее соседи в древности. Якутск: ЯФ СО АН СССР, 1975. С. 38–49.
- Мочанов Ю.А., Федосеева С.А. Основные этапы древней истории Северо-Восточной Азии // Берингия в кайнозойе. Владивосток: ДВНЦ АН СССР, 1976. С. 515–539.
- Окладников А.П. Ленские древности. Вып. 2: Отчет об археологических исследованиях на Нижней Лене от Жиганска до Кумах-Сурта в 1942–1943 гг. Якутск, 1946. 187 с.
- Окладников А.П. Ленские древности. Вып. 3: Отчет об археологических исследованиях в районе с. Покровского и г. Якутска в 1940–1946 гг. М.-Л.: АН СССР, 1950. 242 с.
- Прокопьев Н.П. Разведки в Лено-Амгинском междуречье // Археологические открытия 1993 года. М.: Наука, 1994. С. 184–185.
- Соловьев П.А. Криолитозона северной части Лено-Амгинского междуречья. М.: АН СССР, 1959. 144 с.
- Степанов А.Д. Дюпсинское погребение раннего железного века в Центральной Якутии // Археоло-

гия, этнология и антропология Евразии. Новосибирск: Ин-т археологии и этнографии СО РАН, 2010. № 1(41). С. 32–36.

Степанов А.Д. Новое погребение раннего железного века в Центральной Якутии // Археологические открытия 2006 года. М.: Наука, 2009. С. 653.

Степанов А.Д., Жирков Э.К. Покровское погребение II раннего железного века // Изв. Лаборатории древних технологий. Иркутск, 2006. Вып. 4. С. 309–313.

Степанов А.Д., Кузьмин Я.В., Джалл Е.Дж.Т. Новые данные по хронологии раннего железного века Якутии // Известия Иркутского государственного университета. Серия «Геоархеология. Этнология. Антропология». Иркутск: Иркутский гос. ун-т, 2014. Т. 7. С. 106–112.

Тиваненко А.В. Древние святилища Восточной Сибири в эпоху камня и бронзы. Новосибирск: Наука, 1989. 202 с.

Федосеева С.А. Диринг-Юряхский могильник // Археологические исследования в Якутии. Новосибирск: Наука, 1992. С. 84–105.

Dyakonov V.M., Pestereva K.A., Stepanov A.D., Mason O.K. The spread of metal and metal production technology in the Far Northeast and Alaska over the second millennium BC to the first millennium AD. *World Archaeology*, 2019. Vol. 51, No. 3. Pp. 355–381. DOI: 10.1080/00438243.2019.1708785.

Rose H.J. Celestial and terrestrial orientation of the dead. *Memoirs of the Society for American Archaeology*. 1971. № 25. Pp. 130–145.

References:

Alekseenko E.A. *Kety. Istoriko-etnograficheskie ocherki* [The Kets: Essays on history and ethnography]. Leningrad: Nauka Publ., 1967. 262 p. (In Russian)

Alekseev A.N., D'yakonov V.M. Radiouglerodnaya khronologiya kul'tur neolita i bronzovogo veka Yakutii [Radiocarbon chronology of Neolithic and Bronze Age cultures in Yakutia]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii* [Archaeology, ethnology and anthropology of Eurasia]. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2009. № 3(39). Pp. 26–40. (In Russian)

Anisimov A.F. *Religiya evenkov v istoriko-geneticheskom izuchenii i problemy proiskhozhdeniya pervobytnykh verovaniy* [Religion of the Evenks in historical genetic studies and the problems of the origin of primitive beliefs]. Moscow–Leningrad: AS USSR Publ., 1958. 235 p. (In Russian)

Bosikov N.P. *Evol'yutsiya alasov Tsentral'noy Yakutii* [Evolution of Alasas of Central Yakutia]. Yakutsk: Permafrost Institute SB RAS Publ., 1991. 128 p. (In Russian)

Desyatkin R.V. *Pochvy alasov Leno-Amginskogo mezhdurech'ya* [Alas soils of the Lena-Amga interfluve]. Yakutsk: Yakutsk Branch SB AS USSR Publ., 1984. 168 p. (In Russian)

D'yakonov V.M., Pestereva K.A., Stepanov A.D., Mason O.K. The spread of metal and metal production technology in the Far Northeast and Alaska over the second millennium BC to the first millennium AD. *World Archaeology*, 2019. Vol. 51, No. 3. Pp. 355–381 (In English)

Fedoseeva S.A. Diring-Yuryakhskiy mogil'nik [The burial ground Diring-Yuryakh]. *Arkheologicheskie issledovaniya v Yakutii* [Archaeological research in Yakutia]. Novosibirsk: Nauka Publ., 1992. Pp. 84–105. (In Russian)

Gening V.V., Gening V.F. Metod opredeleniya drevnikh traditsiy orientirovok pogrebennykh po storanam sveta [A method of determining the ancient traditions of the orientations of buried on the sides of the horizon]. *Arkheologiya i metody istoricheskikh rekonstruktsiy* [Archaeology and the methods of historical reconstruction]. Kiev: Naukova dumka Publ., 1985. Pp. 136–152. (In Russian)

Ivanov M.S. *Kriogennoe stroenie chetvertichnykh otlozheniy Leno-Aldanskoy vpadiny* [Cryogenic structure of quaternary deposits of the Lena-Aldan depression]. Novosibirsk: Nauka Publ., 1984. 128 p. (In Russian)

Kosarev M.F. *Bronzovyy vek Zapadnoy Sibiri* [Bronze Age of Western Siberia]. Novosibirsk: Nauka Publ., 1981. 278 p. (In Russian)

Mochanov Yu.A., Fedoseeva S.A. Absolyutnaya khronologiya golotsenovykh kul'tur Severo-Vostochnoy Azii (po materialam mnogoslonoynoy stoyanki Sumnagin I) [Absolute chronology of the Holocene cultures of the Northern-Eastern Asia (on the materials of multi-layer site Sumnagin I)]. *Yakutiya i ee sosedi v drevnosti* [Yakutia and its neighbors in antiquity]. Yakutsk: Yakutsk Branch SB AS USSR Publ., 1975. Pp. 38–49. (In Russian)

Mochanov Yu.A., Fedoseeva S.A. Osnovnye etapy drevney istorii Severo-Vostochnoy Azii [Main stages of the ancient history of the Northern-Eastern Asia]. *Beringiya v kaynozoe* [Beringia in Cenozoic Age]. Vladivostok: Far Eastern Scientific Center AS USSR Publ., 1976. Pp. 515–539. (In Russian)

Okladnikov A.P. *Lenskie drevnosti*. Vyp. 2 [Lena antiquities, Yakutsk, Iss. 2]. Yakutsk, 1946. 187 p. (In Russian)

Okladnikov A.P. *Lenskie drevnosti*. Vyp. 3 [Lena antiquities, Yakutsk, Iss. 3]. Moscow-Leningrad: AN SSSR Publ., 1950. 242 p. (In Russian)

Prokop'ev N.P. Razvedki v Leno-Amginskom mezhdurech'e [Explorations in Leno-Amga interfluve]. *Arkheologicheskie otkrytiya 1993 goda* [Archaeological

discoveries of 1993]. Moscow: Nauka Publ., 1994. Pp.184–185. (In Russian)

Rose H.J. Celestial and terrestrial orientation of the dead. *Memoirs of the Society for American Archaeology*. 1971. № 25. Pp. 130-145. (In English)

Solov'ev P.A. *Kriolitozona severnoy chasti Leno-Amginskogo mezhdurech'ya* [Cryolithozone of the northern part of the Leno-Amginsky interfluve]. Moscow: AN SSSR Publ., 1959. 144 p. (In Russian)

Stepanov A.D. Dyupsinskoe pogrebenie rannego zheleznoogo veka v Tsentral'noy Yakutii [Early Iron Age Dyupsya burial, Central Yakutia]. *Arkheologiya, etnologiya i antropologiya Evrazii* [Archaeology, ethnology and anthropology of Eurasia]. Novosibirsk: IAET SO RAN Publ., 2010. № 1(41). Pp. 32-36. (In Russian)

Stepanov A.D. Novoe pogrebenie rannego zheleznoogo veka v Tsentral'noy Yakutii [New burial of the Early Iron Age in the Central Yakutia]. *Arkheologicheskie otkrytiya 2006 goda* [Archaeological discoveries of 1993]. Moscow: Nauka Publ., 2009. Pp. 653 (In Russian)

Stepanov A.D., Kuz'min Ya.V., Dzhall E.Dzh.T. Novye dannye po khronologii rannego zheleznoogo veka Yakutii [New chronological data of Early Iron Age in

Yakutia]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya "Geoarkheologiya. Etnologiya. Antropologiya"* [Bulletin of the Irkutsk State University. Geoarchaeology, Ethnology, and Anthropology Series]. Irkutsk: Irkutskiy Gos. Univ. Publ., 2014. Iss. 7. Pp. 106-112. (In Russian)

Stepanov A.D., Zhirkov E.K. Pokrovskoe pogrebenie II rannego zheleznoogo veka [Pokrovskoe burial II of the Early Iron Age]. *Izv. Laboratorii drevnikh tekhnologiy* [Reports of the Laboratory of Ancient Technologies]. Irkutsk: Irkutskiy Gos. Univ. Publ., 2006. Iss. 4. Pp. 309-313. (In Russian)

Tivanenko A.V. Drevnie svyatilishcha Vostochnoy Sibiri v epokhu kamnya i bronzy [Ancient sanctuaries of Eastern Siberia in the era of the Early Middle Ages]. Novosibirsk: Nauka Publ., 1989. 202 p. (In Russian)

Vetrov V.M., Ineshin E.M. Pogrebeniya rannego zheleznoogo veka basseyna reki Vitim (datirovka i kul'turnaya prinadlezhnost') [Burials of the Early Iron Age of the basin of Vitim River (dating and cultural affiliation)]. *Tsentral'naya Aziya i Pribaykal'e v drevnosti* [Central Asia and the Baikal region in antiquity]. Ulan-Ude – Chita: Buryatskiy Gos. Univ. Publ., 2002. Pp. 92-103. (In Russian)

*A.D. Stepanov, K.A. Pestereva, J. Chlachula, E.K. Zhirkov,
L.L. Alekseeva, A.K. Sharaborin, D.A. Pesterev*

The Early Iron Age Chuya Burial from Central Yakutia

Scientific novelty. The article describes the materials of the excavations of the Chuya burial, which for the first time became the object and subject of scientific study. The burial is represented by a skeleton of incomplete preservation, dilapidated, without accompanying inventory. By the nature of the position of the backbone, it does not find direct comparisons, including due to its poor preservation. The chronological boundaries of the work cover the era of the early Iron Age of Yakutia.

The *aim* is to introduce into scientific circulation the materials of the Chuya burial discovered in 1992 in the Megino-Kangalassky ulus of the central Yakutia, in the Lena-Amga Rivers' interfluve. The work is based on archaeological *research methods*: field excavations, comparative typological analysis of the identified material, radiocarbon dating, historical and cultural interpretation. An excavation in 1992 was found that the burial belongs to the Neolithic epoch. However, radiocarbon dating, performed in 2014 and 2016, established that the discovered bone remains belong to different chronological periods – to the Late Neolithic and the Early Iron Age. Based on radioactive dating of the bone tissue Chuya burial producing a date of 2445±35 BP, the burial is chronologically assigned to the Early Iron Age (VIIIth – Vth centuries BC). A lower jaw with a bone needle case found nearby a dates of 3540±30 BP. Chuya burial is represented, according to preliminary definition, by a female skeleton. An interpretation of the ancient burial practice disclosing some ritual aspects is suggested. The scientific problem of the investigations relates to a better comprehension of the territorial culture-historical development following the Bronze Age in NE Siberia which is known for sparse archaeological sites – both burial and occupation sites.

Results. This rare and unique discovery adds to the small group of the Iron Age burials recorded in Yakutia until today.

Keywords: Chuya, Dupsysa, burial, Megino-Kangalassky ulus, Leno-Amga interfluve, Early Iron Age, radiocarbon dating